

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

МОСК. КОММУНИКАЦИИ - 2001 - 2002 - с. 2.

Юрий Александрович, я у вас на столе несколько киносценариев заметил...
 — Боюсь, мне от них придется отказаться.
 — Неужели со сценариями дело настолько плохо?
 — А то вы сами не знаете! Кто у нас сейчас может написать хороший сценарий?..
 — Вас что-то конкретно в них не устраивает?
 — Ой, да там столько моментов! Давайте именно эти сценарии разбирать не будем, а я вам расскажу, как однажды отказался у Бондарчука работать. Это был итальянский проект — экранизация "Тихого Дона" из десяти серий. Мне за работу предложили целых три тысячи долларов, плюс еще какие-то надбавки, проценты... Короче, по тем временам — совершенно баснословную сумму. Мы бы с вами сейчас не в этой квартирке сидели, а даже сложно представить, в каких хоромах.

ИЗ ДОСЬЕ "МК": Юрий Александрович Кузнецов родился в 1946 году в Красноярском крае, в городе Абакане. Окончил актерский факультет Дальневосточного педагогического института искусств, играл на сцене Хабаровского драмтеатра, Омского театра драмы, в 1986 году его пригласили в труппу Ленинградского театра комедии. В кино Кузнецов дебютировал в картине Алексея Германа "Мой друг Иван Лапшин". Среди работ в кино: "Торпедоносцы", "Прохиндида, или Бег на месте", "Холодное лето пятьдесят третьего", "ЧП районного масштаба", "Гений", "Брат". Огромную популярность принесла Юрию Кузнецову роль подполковника Петренко (Мухомора) в многосерийном проекте "Менты" ("Улицы разбитых фонарей").

ИТА-ПРОФИТ

Про актера Юрия Кузнецова можно уверенно сказать, что он настоящий петербуржец. Хотя родом — из далекой Сибири. С ним невозможно столкнуться на презентациях, он не замечен в типичных актерских скандалах. Его даже в Санкт-Петербурге невозможно разыскать, потому что в своей новой скромной двухкомнатной квартире, где частенько не бывает горячей или холодной воды, он практически не появляется, а отдает предпочтение Пушкину, где живет не в отдельном коттедже, а в однокомнатном номере местного Дома ветеранов-архитекторов вместе с женой Ириной и дочерью Сашенькой. Также известно, что Кузнецов редко дает интервью. Что не имеет ничего против песен группы "Любэ". И что не так давно отметил свое 55-летие.

НЕ НАСТОЯЩИЙ ПОЛКОВНИК

Юрий КУЗНЕЦОВ:
 "Я один такой Мухомор на свете!"

Короче, подпisał я договор, а потом его расторг. Начнем с того, что играть нужно было на английском языке. Ну, в школе-то я немецкий учил, да бог с ним — выучил бы и английский. Но вот само содержание меня очень смутило. У моего героя самая первая фраза была: "Эй, Грегор Мелихов!" То есть с ударением на букву "о". И имя это — Грегор. Так это меня, знаете ли, ударило... А вскоре я других актеров увидел. Исполнитель роли Грегора, то есть Гришки, — двухметровый парень с косой и в кепке, надетой козырьком назад. И Аксинья — такая худенькая девочка, тростиночка. Вы первоисточник помните? Разве Аксинья так в романе изображена!
 — Но, Юрий Александрович, согласитесь, что сериал "Менты" сложно назвать произведением искусства. Почему вы дали согласие в нем работать? Из-за высоких гонораров?
 — Ну, во-первых, потому, что я актер и должен сниматься в кино. Деньги? Да, съемки в "Ментах" — это заработок. А у меня и жена, и дочь. Прекрасно помню времена, когда я уезжал из дома с тремя рублями в кармане. Дорога от дома до театра стоила полтора рубля. И я знал, что если в театре не получится перезанять, то денег останется только на обратную дорогу.
 — А правда, что своего персонажа вы сами Мухомором окрестили?
 — Нет, это уже легенды пошли... В сценарии было написано, что Мухомором меня ребята между собой несколько раз за глаза называют. А потом прозвище основательно закрепилось. Видите ли, сценарии для нас разные авторы пишут. И режиссеры тоже меняются. И у каждого — свой взгляд на Мухомора. Но полного дурачка я играть не буду! Нельзя так...
 — Не обидно, что у вас столько ролей за спиной, а в последнее время только "Ментов" и вспоминают?
 — Это не совсем приятно, скажем так. Да и не играю я только в "Ментах"! Есть гораздо более серьезные работы. Сейчас у Тодоровского Петра Ефимовича снимаюсь, недавно у Дмитрия Месхиева закончил играть в картине "Дневник камикадзе". У меня в прошлом году семь других картин было. Да и в этом — уже пять. А вы все про "Ментов".
 — Вы, наверное, поэтому и с журналистами редко общаетесь? Обидно, что в основном про сериал спрашивают, да?
 — Нет, просто вообще не люблю интервью раздавать. Да и люди, знаете ли, разные бывают. Вот как-то у меня один журналист интервью брал, а потом привез показать, что у него получилось. Я с

большим удивлением прочел, что мой отец был героем Великой Отечественной войны, прошел от Москвы до Берлина, отмечен наградами и чуть ли не Герой Советского Союза. Но дело-то в том, что папа не был на войне. У него была травма правого глаза, и на фронт его не взяли. Я спрашиваю журналиста: "А зачем вы так написали?" — "Чтобы вам приятное сделать". Я говорю: "Да мне и так ничего". А он мне: "Ну, вы тогда это интервью своей маме отошлите. Ей приятно будет". Вот из-за таких вещей и не хочется ничего рассказывать.
 — А чем ваш отец на самом деле занимался?
 — Папа в милиции работал. Только не спрашивайте, не с него ли я играю Мухомора... Отец уходил на работу, когда я еще спал. А возвращался, когда я уже спал. Отец о работе никогда дома не рассказывал. Да и маленький я тогда был... А когда я в институте стал учиться, отец ушел на пенсию и недолго потом прожил... Я думаю, работа значила для него очень много. Она его постоянно держала в напряжении, и он не обращал внимания на здоровье. Знаете, как говорят? Если тебе сорок лет и у тебя ничего не болит, то это очень подозрительно. Вот отец вышел на пенсию, и закололо у него сначала в одном месте, потом в другом...
 — Говорят, вы решили стать актером после того, как кто-то вас попросил заплакать, и вы тут же пустили слезу.
 — В целом — да. Не было у меня с техническим наукам наклонностей. Я классе в десятом говорил нашему преподавателю по математике: "Поставьте мне сразу тройку". Все равно я по вашим предметам ничего не понимаю. Лучше какую-нибудь книжку почитать!
 Потом был выпускной вечер, а друзья знали, что я хочу актером стать — я к тому времени ходил в театральный кружок. Подошли мои школьные подружки и спрашивают: "В актеры хочешь? А заплакать прямо сейчас сможешь?" Понимаете, это в то время как бы высший класс был для артиста. Ну, я отвернулся от девушек и в две секунды заплакал. Они на меня посмотрели с восхищением: "Да, у тебя должно получиться".
 — А как родители? Одобрили ваш выбор?
 — Они мне не противоречили, так скажем. Во всяком случае, истерик по этому поводу в доме не было. Просто мама, как положено, зашла мне деньги в брюки, и я сел на поезд во Владивосток.
 — А почему не в Москву?
 — Да испугался я. Решил, что в Москве меня куда не возьмут. Хотя во Владивостоке тоже не так уж просто оказалось. В первом туре нужно было для

приемной комиссии прочесть небольшой отрывок, а я, как назло, простыл. Сильно побело горло — я практически потерял голос. Да и волновался очень... Ничего, взяли.
 — Вы требовательный актер? Часто спорите с режиссерами?
 — Нет, я не настоящий полковник... (Смеется.) С теми режиссерами, с которыми я работал, мы вместе находили общий язык, и тогда получалось кино, которое вы смотрите. А споры по большей части во время съемок "Ментов" случаются. Режиссеры меня боятся. Понимаете, один режиссер приходит снимать серию, потом второй, третий... То есть они могут многократно меняться, но не смогут заменить меня на съемках. Я один такой Мухомор на свете.
 — Между тем Алексей Герман планировал вас на главную роль в картине "Мой друг Иван Лапшин", а потом заменил на Андрея Болтнева...
 — Там была другая ситуация. Второй режиссер на этой картине, Виктор Федорович Аристов, ездил по стране и подбирал актеров: Герман хотел, чтобы Лапшина сыграл человек, который до этого нигде не снимался. Аристов нашел Андрея Болтнева в Новосибирске, а меня — в Омском театре. Это было в понедельник: Аристов увидел в театре на стене мою фотографию, мы поговорили немного, и он этим же вечером на поезде уехал в Ленинград. Вскоре мне прислали вызов на пробы...
 Но на роль Лапшина меня не Герман утвердил, а художник. Герман не согласился. Он тогда так сказал: "Кузнецов — замечательный артист. Но я уверен, что когда он играет, то говорит одно, а думает другое. У Кузнецова глаз хитрый".
 — Герман — строгий режиссер? Или вам с ним легко удалось найти общий язык?
 — Алексей Юрьевич в первую очередь именно режиссер, и только потом — строгий. Ну снимался я у него, так когда это было?... К тому же роль у меня в картине — не самая главная. Основная нагрузка легла на других актерах.
 — Но, отправляясь в Ленинград на пробы, вы, видимо, волновались...
 — Абсолютно не волновался! У меня в театре было выше крыши серьезной работы, а что касается съемок в кино, то так называемой юншеской эйфории удалось избежать. Гораздо интереснее было в Ленинграде оказаться: я впервые приехал в этот город и ходил по нему с разинутым ртом. А сами пробы? Не поверите, но я даже позволил себе давать советы оператору, с какой стороны меня лучше снимать. Нет, я обычно иных вещей боюсь.
 — Например?

— Вы же прекрасно знаете, в каком ритме у нас актеры работают. Репетиции, съемки, вечерние спектакли, потом — снова поездка и самолеты и снова съемки. Вот я и боялся опоздать на самолет и тем самым подвести театр — не успеть на спектакль. Еще не могу себе позволить плохо сыграть роль. Пока вроде мне это удается. После нашей милицейской "санта-барбары" еще есть силы взять высокую планку.
 — Что вы имеете в виду?
 — Настоящую, полноценную работу. Где не снимают фильм за десять дней. Где на исполнение роли у тебя мобилируется весь организм: от кончиков пальцев до волос на голове. Вот помните, в фильме "Брат" есть сцена на кладбище, где я играю в окружении местных бомжей? Дело в том, что это не профессиональные актеры были, а... как бы это сказать... Короче, люди практически самих себя играли. И вот я жду съемки, уже в гриме: у меня седые виски, двухнедельная небритость на щеках, потерянный ватник... А рядом ходит один мужичок и как-то все поглядывает на меня. Наконец он ко мне подошел и говорит: "Угости сигареткой..." Протянул я ему пачку, а он на меня посмотрел и сказал: "Все равно я тебя как бывшего артиста уважаю".
 — Какими еще работами вы гордитесь?
 — Всеми.
 — Ну, так каждый актер сказать может...
 — Но это правда. Да и потом, дело, может быть, не в той или иной работе, которая получила признание у зрителя, а в том, как она далась. Я вот снимался в "Русском бунте". Сцену повешения помните? Убедительно?... А вот теперь представьте себе, что на самом деле она снималась не летом, как все в фильме видят, а в ноябре. И градусов на улице было около двадцати мороза. И "висели" мы таким образом не несколько минут, а несколько часов. И, чтобы не шел пар изо рта, нас поили холодной водой. Так как же я после всего этого могу сказать, что мне не дорога моя роль в "Русском бунте"?!
 — Вы считаете себя популярным актером?
 — Да ну, скажете тоже... Какой я популярный?! Девушки за мной не бегают. Вот на улице подходят люди, автограф просят. Говорят, что я их любимый актер. И ладно, если они меня хотя бы Мухомором называют. Некоторые даже мою фамилию вспомнить не могут...
 — Видите, вспоминают именно Мухомора, а не другие ваши роли. Получается, что ваша жизнь делится на "до "Ментов" и "после"..."
 — У меня творческая жизнь никогда не делилась. Можно только сказать, что многое в жизни, поменялось, когда в нее вошла моя жена Ира. Мы с ней познакомились в Москве ровно 11 лет назад. И знаете, что самое интересное? Оказывается, Ира меня первая заметила. И даже не в Москве, а... помните, такой фильм был — "Точка возврата"? Я там полярного летчика играл: самолет попал в аварию, и мы всю картину пытались спасти наших пассажиров. Так вот, Ира еще до знакомства со мной как-то увидела этот фильм и сказала своей маме: "Вот бы мне такого мужика!"
 — А вы, в свою очередь, почему именно Иру выбрали?
 — Я вам, к сожалению, не могу всего в двух словах рассказать, объяснить... Но мы с Ирой так прекрасно понимаем друг друга! Любому человеку, мне кажется, очень важно знать, что его всегда ждут. А Ира меня ждет. Мы во всех поездках вместе — в гостиницах к этому давно привыкли. Жена мне очень помогает. На ней все дела в доме. Она помнит, когда съемки, когда поездка уходят, кто просил перезвонить: она дома всегда сама к телефону подходит.
 — Вам никогда не хотелось сесть за мемуары?
 — Ну, слушайте... Что я могу такого интересного написать? Про детство в деревне Восточная, которая расположена в самой глуши Красноярского края, где отца назначили председателем колхоза? Где совсем не было света? Где была только одна машина — довоенный "ЗИС-5"? Где, естественно, не было кино? К нам редко, как правило, по выходным, приезжала "передвижка". Кино показывали в колхозном клубе, а располагался он, конечно же, в бывшей церкви. Для нас, мальчишек, билет стоил пять копеек. Столько же стоило куриное яйцо: его можно было сдать в магазин и сразу же получить деньги. Так нет бы в свой курятник залезть! Мы бегали в колхозный, оттуда честно брали по одному яйцу, спешили в магазин и потом торжественно садились на первую скамью.
 — Вы часто бываете на родине, в Сибири?
 — Увы... Знаете, как я шушу иногда? Генерал Лебедь сейчас является губернатором Красноярского края. А в Абакане его младший брат за все отвечает. И когда меня спрашиваю, где я родился, то я совершенно искренне отвечаю: в лебедином крае. Там, говорю, до сих пор лебеди водятся. Их, правда, всего два на всю округу осталось. От них, кстати, ко мне на юбилей представитель приехал.
 — Вот вы заговорили про юбилей — и сразу затосковали...
 — Не буду врать: не люблю излишней шумихи. А вот друзей, близких, знакомых, с которыми работал и жил, увидеть всегда рад. Я — скромный человек.
 — Что на сегодняшний день вас больше всего волнует, заботит?
 — Сейчас я, признаться, больше думаю об отдыхе.
 — Устаете?
 — Раньше, когда спрашивали, где я собираюсь летом отдыхать, всегда отвечал: "В поезде, в самолете..." Про актерский график с постоянными перемещениями мы сегодня уже говорили. Что ж, молодой был, не уставал... Впрочем, даже сейчас охота к перемене мест не пропадает, но только если это связано с работой. А отдых? Кроме парка, который рядом с домом, и поехать некуда.
 — Знаете, Юрий Александрович, "не могу" и "не хочу" — немного разные понятия...
 — У меня нет времени на отдых! Я хочу, но нет времени. Мне нужен отдых. Не только психологически, но и физически.
 — Так соберите вещи и поезжайте!
 — Однажды мы так уехали. У Ириной мамы есть небольшой домик на Волге. Мы там сначала осень провели, а потом и перезимовали. Как жили? Да просто: топили печку, ели кашку... А когда весной вернулись в город, то на меня в буквальном смысле накинулись режиссеры со своими помощниками: "Кузнецов, ты что?! Сколько ролей потерял! Тебя с собаками по всей стране ищут! Ты вообще где был?!" Где-где?! Не пиво пил, а был на воле! Мы там весело и счастливо жили. Там у нас и дочка зародилась...
 — Выходит, вы страдаете от собственной обязательности?
 — Если я знаю, что мне нужно куда-то ехать, то я еду. Я не имею права жаловаться на давление или на всевозможные солнечные удары, перемены климата. Мне было дано в этой жизни стать актером. Что это значит? А то, что нельзя только хотеть всегда быть в форме, знать свой текст и приезжать на студию со сверкающими глазами. Надо это еще и делать!

Андрей ТУМАРКИН.
 Санкт-Петербург — Москва.

20.10.01
 Кузнецов Юрий Александрович (актер)